ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ МАРКСА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XIX В. В ЕВРОПЕ

Шульц Э.Э.
кандидат исторических наук, докторант кафедры международных отношений факультета международных отношений, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия), 603005, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2; тел.:(831) 462-35-06; intrel@fmo.unn.ru

УДК 94(43).07
ББК 66.1(4Гем)5-194

Цель. Изучение комплекса идей К. Маркса и Ф. Энгельса на теорию революции: причины, последствия, алгоритм, закономерности революций, - в контексте сложившихся к XIX в. представлений об этом предмете в общественной, политической и философской мысли.

Методы. В статье рассмотрены теоретические представления о революции, сложившиеся к «эпохе Маркса» и, во многом, определившие взгляды немецкого философа. Основы «теории революции» Маркса представлены на фоне специальных исследований его предшественников и современников, и выглядят генетически связанными со своей эпохой и состоянием исследовательской мысли.

Результаты. К середине XIX в. сложился комплекс теоретических представлений о революциях, законах их возникновения и развития. Представления Маркса о революциях не возникли на пустом месте и во многом не представляют принципиально ничего нового, они «выросли» из этой исследовательской среды и генетически связаны со своей эпохой и состоянием исследовательской мысли того времени. Маркс не занимается определением революции, как явления, не вносит ничего нового в изучение алгоритма революции (стадиальность, движение и т.д.). Во взглядах на причины возникновения революций Маркс становится на сторону приверженцев «экономического подхода» и возводит его во главу угла, доводя до степени крайнего детерминизма экономическим базисом всей жизнедеятельности человека. С точки зрения последствий революций Маркс акцентирует внимание на переходе в результате революций не только к новому строю, но и к новой формации – идее, уже высказанной до Маркса, но, пожалуй, именно у Маркса получившей наибольшее значение. В чем Маркс действительно выступил новатором – это в типологизации революций.

Научная новизна. Теория революции Маркса рассматривается исследователями как законченный комплекс самостоятельных и новаторских идей. У Маркса не было собственной законченной теории революции, только разрозненные, хоть и многочисленные, высказывания по этой теме, основанные на достижениях современной ему исследовательской мысли, которые с конца XIX века «марксисты» начали систематизировать в полноценную теорию. Многочисленные положения теории революции, приписываемые Марксу, принадлежат продолжателям, а не самому Марксу.

Ключевые слова: революция, история революций, теория революции, теория революции Маркса, историография теории революции.

Schulz E.E.

MARX'S THEORY OF REVOLUTION IN THE SOCIAL THOUGHT CONTEXT OF THE XX CENTURY IN EUROPE

Purpose. Studying of a complex of K. Marx' and F. Engels' ideas on the theory of revolution: the reasons, consequences, algorithm, regularities of revolutions, - in a context of the representations which have developed to the XIX century about this subject in social, political and philosophical thought.

Methods. The study of theoretical representations about the revolutions which have been developed to "Marx's era" and defined views of the German philosopher. Bases of Marx's theory of revolution are presented in comparison with special researches of his predecessors and contemporaries, and look genetically connected with the era and a condition of research thought.

Results. To the middle of the XIX century there was a complex of theoretical ideas of revolutions, laws of their emergence and development. Marx's ideas of revolutions didn't arise from scratch and in many respects don't represent essentially anything new, they "grew up" from this research environment and are genetically connected with the era and a condition of research thought of that time. Marx isn't engaged in revolution definition as the phenomena, doesn't bring

© Шульц Э.Э., 2014

anything new in studying of algorithm. In views of the reasons of emergence of revolutions Marx takes part of adherents "economic approach" and builds it at the center, bringing to degree of an extreme determinism. From the point of view of consequences of revolutions Marx focuses attention on transition as a result of revolutions not only to a new system, but also to a new formation – the idea which has been already stated to Marx, but, perhaps, at Marx received the greatest value. In what Marx really acted as the innovator is in a typologization of revolutions.

Scientific innovation. The theory of revolution of Marx is considered by researchers as the finished complex of independent and innovative ideas. Marx had no own finished theory of revolution, but only separated, though numerous, statements on this subject, based on achievements modern to it research thought which since the end of the XIX century "Marxists" started systematizing in the full theory. Numerous provisions of the theory of revolution, attributed to Marx, belong to successors, instead of Marx.

Key words: Revolution, history of revolutions, theory of revolution, Marx' theory of revolution, «theory of revolution» historiography.

Понятие «теория революция» появилось после работ Питирима Сорокина (1925 г.), Лайфорда Эдвардса (1927 г.), Джорджа Петти (1938 г.) и Крэйна Бринтона (1938 г.) [60; 62; 67; 68] и стало обозначать теоретические исследования о законах развития революций, их причин и последствий, стадиях, общих черт, позволяющих определить типы и разновидности. Безусловно, «теория революции» не родилась «вдруг» на пустом месте, а стала результатом обобщения множества трудов по истории различных революций, а также первых попыток теоретических обобщений, где одно из ведущих мест заняли труды немецкого социального философа Карла Маркса и его последователей.

Тема развития идей Маркса о революции в контексте сложившихся к XIX в. представлений об этом предмете в общественной, политической и философской мысли пока не находила своих исследователей. В историографии XX в. и современных трудах концепции Маркса и его взгляды на революцию выглядят «вырванными из среды»: если в философии Маркса видят предшественников в немецкой классической философии и в Гегеле, политэкономия Маркса выросла из трудов классиков английской политической экономии Смита и Рикардо, «научный коммунизм» уходит корнями в труды т.н. социалистов-утопистов, то «теория революции» Маркса представляется как комплекс самостоятельных новаторских идей. Между тем, начиная с Великой Французской революции о революциях писали постоянно. XIX век, отталкиваясь от анализа Нидерландской, Английской, Великой Французской революции, европейских революций 1848-49 гг., Парижской коммуны 1871 г., породил множество исследований этого феномена. «Истории» Великих английской и французской революций Гизо, Карлейля, де Местра, Минье, Мишле, Токвиля, Блоса, Тэна дали не только обильный фактологический материал, но и заложили основу сравнительного анализа в изучении революций [3; 11-12; 21; 40; 41; 42; 48; 49]. Традиционно считается, как мы уже указывали, что «теория революции» берет свое начало в 20-х-30-х гг. XX в., и анализ историографии в исследованиях по теории революции начинается с работ Сорокина, Эдвардса, Пети и Бринтона, однако такой подход не совсем корректен. Первые исследования по теории революции появились столетием раньше. В 1830 г. вышла небольшая брошюра Томаса Бэйли «Размышления о причинах политических революций», в которой автор ставит своей задачей создать теорию революции и, несмотря на то, что Бэйли более декларирует задачу, нежели пытается ее решить, его труд можно считать первым отдельным трудом по «теории революции» [59, p. 3]. В 1861-62 гг. выходят еще две брошюры, посвященные «теории революции»: лекция о революциях Г. Йемана (1861) и «История и теория революций» (1862) Джозефа Кларка [61; 69].

В этом историческом контексте с середины XIX в. стал оформляться и теоретический подход к анализу революций немецких социальных философов Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Основные положения, которые впоследствии создали основу марксистской «теории революции» отражены в нескольких ключевых работах «классиков марксизма»: совместном труде Маркса и Энгельса «Манифест коммунистической партии» (1848), отдельных работах Маркса «Классовая борьба во Франции» (1850), «18 брюмера Луи Бонапарта» (1852), «Гражданская война во Франции» (1871), и Энгельса – «Революция и контрреволюция в Германии» (1852) [26, с. 115-217; 28, с. 317-370; 30, с. 5-110; 38, с. 419-459; 56, с. 3-113].

Следует помнить, что ни Маркс, ни Энгельс не ставили себе задачей создание «теории революции», их мысль была сконцентрирована на предстоящей пролетарской революции, и анализ всех предшествующих революций был подчинен этой цели [см.: 26, с. 115-217; 28, с. 317-370; 30, с. 5-110; 38, с. 419-459; 56, с. 3-113].

Маркс нигде не дает определение революции. Скорее всего, это связано с тем, что он считал этот термин, с одной стороны, вполне понятным, с другой стороны, уже обладающий множеством вариантов определений, сложившихся к его времени. Исторический анализ определений слова и термина «революция» подтверждает этот вывод.

Так, Давид Юм в философских трактатах, но в большей степени в «Истории Англии», восемь томов которой были опубликованы в 1754-1778 гг., использовал «революция» в значении политической революции [64, p. 2, 27, 28, 29, 39, 46 etc.; 66, p. 74, 100, 108, 125, 292], изменений в правительстве [65, p. 118], в общественных делах [66, p. 224]. Просветители под революцией понимали политический переворот, смену власти и политического строя, при этом, революция, с их точки зрения, является естественным процессом, который вносит серьезные изменения в государственное устройство [7, с. 725; 43, с. 94-95, 103; 44, с. 262, 318, 351, 377; 50, с. 277]. В энциклопедии Дидро и Д'Аламбера (начала выходить в 1751 году) революция определяется следующим образом: «Революция на политическом языке означает значительное изменение в управлении государством. Слово это происходит от латинского revolvere – переворачивать» [19, с. 109]. Второе издание энциклопедии Британника, которое вышло непосредственно перед Американской революцией (1775-1783) в 1771-73 гг., дает понятие «революция» в политике, как грандиозное изменение или поворот в форме правления [63, p. 550].

Французский литератор и философ Клод Адриан Гельвеций (1715-1771) был уверен, что революции изменяют лик государства и являются неизбежным и необходимым явлением в физическом и духовном мире [9, с. 243] и производят большие изменения за короткие временные промежутки [10, с. 631]. Поль Анри Гольбах (1723-1789) называл революции естественным процессом для общественного организма, так же как организму человека присущи разный возраст, болезни и выздоровление [16, с. 383]. В первой половине XIX в. исследователи революций (Франсуа Минье, Франсуа Гизо, Алексис Токвиль) не сомневались, что революции ведут к уничтожению существующих политических систем, разрушению старого общества и созданию на его месте нового, что, по мнению историков, для революций того времени означало уничтожение феодальных порядков [13, с. 305; 41, с. 36; 48, с. 29].

Обратим внимание, что одной из ключевых составляющих «революции» является движение масс. Еще Гегель, вслед за многими философами Просвещения, указывал, что революция отличается от реформ участием в революции народа [8, с. 413], т.е. они представляют массовое движение снизу.

В одном из первых трудов по теории революции «История и теория революций» (1862) Джозеф Кларк определяет революцию как «радикальное или органичное изменение в устройстве государства (формы правления), совершенное мирным или насильственным путем» [61, p. 5]. Кларк предлагает и другие определения: «Или она (революция – *Э.Ш.*) может быть определена как успешное сопротивление существующей власти, через которое институируется (учреждается) и устанавливается новая форма власти»; «или она может быть определена исчезновением старых форм, обветшалых учреждений и подъемом новых, чтобы найти новое движение в развитии и истории». «Во всех этих определениях, – резюмирует Кларк, – фундаментальная концепция одни и та же. И состоит она в том, что разрушение и разложение предшествуют новому созданию, новому формированию разрозненных элементов» [61, p. 5].

Маркс, как его предшественники и современники, рассматривал революции как коренные перевороты, среди которых необходимо различать переворот в экономических условиях производства, от юридических, политических, религиозных, художественных или философских [29, с. 7]. У Маркса встречаются понятия политической и социальной революции, но определения их нет [29, с. 7; 31, с. 444]. У Маркса революции, кроме того, что производят переход от одного способа производства к другому, приводят к новым политическим учреждениям [28, с. 339; 39, с. 378].

С точки зрения исследуемого предмета представляют интерес некоторые высказывания Энгельса, которые, видимо, оказали влияние на идеи и представления Маркса. «Только социальная революция, – пишет Энгельс в 1844 г., – и является той истинной революцией, в которую должны вылиться революции политическая и философская…» [55, с. 598]. «Революция, – пишет Энгельс в письме Марксу в 1851 г., – это чистое явление природы, совершающееся больше под влиянием физических законов, нежели на основании правил, определяющих развитие общества в обычное время. Или, вернее, эти правила во время революции приобретают гораздо более физический характер, сильнее обнаруживается материальная сила необходимости» [54, с. 177]. В этих строках Энгельса проглядывает определенное резюме всех исследований о революциях XVIII – первой половины XIX в.

Примечательно развитие Марксом и Энгельсом идеи европейской революции в противовес национальной. Политический деятель Великой французской революции Антуан Барнав считал, что революция не является ни случайным, ни местным явлением, она подготовлена тем движением, которое длится испокон веков, огромной социальной эволюцией. Великую Французскую революцию Барнав считал не французской, а европейской революцией, которая достигла во Франции своей кульминации [см.: 18, с. 144]. Через полвека после Барнава Маркс написал: «Революции 1648 и 1789 годов не были английской и французской революциями; это были революции европейского масштаба» [27, с. 115]. Ф. Энгельс тоже использовал идею Барнава и рассматривал различные революции в Европе, как часть единой «всеобщей» революции, «которая осуществлялась по частям различными национальностями». «Немцы, – писал Энгельс, – христианско-спиритуалистический

народ, пережили философскую революцию; французы, антично-материалистический, а потому – политический народ, должны были проделать революцию на политическом пути; англичане, национальность которых представляет собой смешение немецких и французских элементов, которые, следовательно, носят в себе обе стороны противоположности и оттого универсальнее, чем каждый из обоих этих факторов в отдельности, были поэтому вовлечены и в более универсальную, социальную революцию» [55, с. 600].

Для Маркса революции – это «локомотивы истории», которые несутся от одной исторической формации к другой, пока не прибудут в финальный пункт назначения – формацию, определяющуюся коммунистическим способом производства. По Марксу революции осуществляют переход от одного способа производства к другому и постепенно меняли рабовладельческий строй на феодальный, феодальный на капиталистический и заменят капиталистический на коммунистический [см.: 28, с. 339; 29, с. 7; 30, с. 86; 38, с. 424, 435; 39, с. 378]. Однако, если буржуазные революции были очевидностью, то революции, которые бы меняли предыдущие общественные формации в истории не определялись. В текстах Маркса бросаются в глаза сложности автора с описанием формаций до феодальной, он постоянно уходит от точных определений и описаний первобытнообщинного и рабовладельческого строя. Дело в том, что именно феодализм и капитализм ложились в его схему и наглядно демонстрировали революционный переход. Однако, по какой-то причине, Маркс не отказывается от идеи революционных переходов в более ранних формациях. Как нам кажется, здесь кроются две причины. Во-первых, Маркса интересовал только современный ему капитализм и прогноз социального перехода, феодализм – постольку, поскольку прошедшие революции осуществили переход от этого, еще живого в памяти общественного строя. Во-вторых, ко времени Маркса сложилось распространенное представление, что революции происходят с древнейших времен и до сегодняшнего дня [2, с. 100, 107, 227, 280, 399; 43, с. 94-95, 103; 44, с. 262, 318, 351, 377; 57-58], и Маркс не стал ничего менять в этом утверждении. Таким образом, Маркс сформировал проблему в подходе к смене исторических формаций, доставшуюся по наследству всему течению «марксизма», особенно в части «теории революции».

К XIX в. сложился комплекс представлений о причинах бунтов, мятежей и революций и их последствиях. По этому поводу оставили пространные рассуждения Аристотель (384-322 гг. до н.э.), Фрэнсис Бэкон (1561-1626) и Томас Гоббс (1588-1679) [1, с. 527; 6, с. 382-383; 14, с. 166]. Франко-германский философ Поль Гольбах (1723-1789) суммировал все известные ему доводы в три категории. Во-первых, к бунтам и революциям ведут материальные условия: «Несчастья народов влекут за собой революции… среди людей, ожесточенных бедствиями, начинается брожение умов, неизбежным результатом чего являются государственные перевороты» [15, с. 393]. Во-вторых, этому способствует насилие и притеснение со стороны власти, и (в-третьих) «порочность и немощность правительства» [16, с. 230]. Вслед за Аристотелем, Бэконом и Гоббсом Гольбах признавал, что «огонь восстания, огонь народного возмущения разгорается лишь тогда, когда встречает горючий материал в умах людей» [Там же].

Другие направления в поисках причин мятежей и революций тоже ведутся от Аристотелевой «Политики». Первое группирует тех, кто видел эти причины в личностном факторе правителей и должностных лиц: Эдмунд Бёрк [2, с. 364-365], Антуан Барнав [18, с. 138], Вильгельм Блос [3, с. 22] и др. Второе – тех, кто склонен был искать эти причины в массовой психологии: Шарль Монтескье [44, с. 262], Томас Карлейль («эпохи неверия» «скоро и неизбежно превращаются в эпохи революций») [20, с. 20] и Георг Вильгельм Фридрих Гегель [8, с. 56]. «Народ, – писал Монтескье, – легко выносит, когда его облагают новыми налогами; он не знает, не употребят ли взятые у него деньги таким образом, что и он извлечет некоторую пользу из этого. Но когда ему наносят обиду, он только чувствует свое несчастие и представляет себе при этом все то зло, которое ему могут причинить» [44, с. 262]. Рассуждая о причинах американской революции XVIII века, Гегель замечал, что бунт разразился не из-за денег и налогов, а из-за самого принципа, кто волен облагать этими налогами. «Налог, введенный английским парламентом на чай, который импортировала Америка, – полагает Гегель, – был ничтожен; однако уверенность американцев в том, что вместе с совершенно незначительной суммой, составляющей этот налог, они потеряют и свое важнейшее право, привела к революции» [8, с. 56]. «Происходит это потому, что англичанин свободен, что он пользуется правами, даруемыми свободой, – одним словом, потому что он сам облагает себя налогами» [Там же].

Проявились и две крайности детерминизма в революции. Если политический деятель эпохи Великой французской революции Антуан Барнав считал, что революции «зависят от страстей и воли человека» и «не могут подчиняться точным и рассчитанным законам, приложимым к движениям неодушевленной материи» [18, с. 138], то французский государственный деятель начала XIX в. граф де Местр уверял, что революция управляет людьми, а не люди революцией: они действуют в зависимости не от собственного замысла, а предопределенным образом [40, с. 14-15].

Основоположник новой науки социологии – английский мыслитель Герберт Спенсер (1820-1903) видел причины революций в социально-экономических

факторах. Так, из-за «чрезмерной регламентации человеческой деятельности в малейших ее подробностях, от столь возмутительного поглощения продуктов этой деятельности в пользу правительства» жизнь французского крестьянства «становилась почти невозможной» [47, с. 189], «бремя общественных тягостей достигло таких размеров, что многие фермы оставались необработанными, а некоторые были и вовсе заброшены – четвертая часть земли пришла в совершенное запустение…» [47, с. 69]. Т.е., если Гоббс, вслед за Бэконом, (а за ними и Гольбах) признавал, что «бедность или недостаток того, что необходимо для поддержания достойной жизни» «больше всего способствует волнению людских умов» [14, с. 166], то Спенсер развивал эту мысль в сторону социальных и экономических причин этой «бедности».

Таким образом, была заложена основа поиска причин революций в экономике и в психологии.

В этом историческом контексте Маркс стал на сторону тех, кто ставил во главу угла экономику, более того, этот детерминизм у Маркса приобрел крайние формы. Маркс выстраивает жесткое подчинение всех социальных, политических и духовных процессов экономической деятельности и полную детерминированность сознания общественным бытием, т.е., той же экономикой и способом производства. «В общественном производстве своей жизни, – писал Маркс, – люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [29, с. 6-7].

Причинами революции Маркс объявил конфликт между общественными производительными силами и производственными отношениями: первые становятся более прогрессивными, чем последние и через революцию ведут к смене производственных отношений [Там же].

Первым, кто обратил внимание на стадиальность революций и закономерность смены ее этапов, был, наверное, французский консерватор Жозеф-Мари де Местр. Так, французский политик в «Рассуждениях о Франции» (1796 г.) называл закономерным реставрацию монархии в ходе английской революции и предрекал тот же ход революции во Франции [40, с. 169]. Франсуа Минье считал различные фазы революции неизбежными: «революция, имея причины, которые ее произвели, и со страстями, которые она пробудила, должна была иметь такой ход и такое окончание» [41, с. 36-37]. В ходе революции вместо умеренных преобразователей приходят преобразователи наиболее крайние и непреклонные [Там же, с. 307]. Немецкий писатель и политик Вильгельм Блос считал все этапы Французской революции закономерными и рассматривал Французскую революцию как циклический процесс: от свержения монарха до реставрации [3, с. 426-427]. Томас Карлейль устанавливал закономерную связь между английской революцией и событиями 1688 г., именуемыми «славной революцией»: «Какая масса серьезных, суровых Кромвелей, Ноксов, бедных крестьян ковенантеров (пресвитериан), сражавшихся за самую жизнь и отстаивавших ее в недоступных, топких местах, должны были бороться, страдать и погибнуть, жестоко осужденные, забрызганные грязью, – прежде чем прекрасная революция “восемьдесят восьмого” могла официально пройти по их трупам в башмаках и шелковых чулках при всеобщих криках одобрения!» [20, с. 150].

Таким образом, сложилось устойчивое представление среди многих авторитетных исследователей революций, что революции обладают стадиальностью и закономерностью развития, а повторяющиеся революции в одной стране связаны с нерешенностью определенных проблем предыдущими революциями.

Маркс не рассматривал специально вопрос стадий и этапов революций, для него представляли интерес только взаимодействие и смена процессов революции и контрреволюции. Для Маркса революция и контрреволюция – взаимосвязанные процессы: «контрреволюция представляет собой что-либо иное, чем пролог революции!» [34, с. 206]. Движение революции порождает контрреволюцию, борьба этих сил двигает революцию, которая становится двигателем общественного и политического прогресса. Маркс особо обратил внимание на политическое движение революции (в марксистской терминологии – классовое): «В первой французской революции за господством конституционалистов следует господство жирондистов, за господством жирондистов следует господство якобинцев. Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия продвинула революцию настолько далеко, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, – эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии» [26, с. 141].

Эти взгляды разделял и Ф. Энгельс, который оставил достаточно законченный образ сходства классических революций. «Английская революция семнадцатого века, – писал Энгельс, – представляет собой в точности прообраз французской революции 1789 года. В “Долгом парламенте” легко различить три ступени,

которым во Франции соответствовали Учредительное собрание, Законодательное собрание и Национальный конвент; переход от конституционной монархии к демократии, военному деспотизму, реставрации и революции juste-milieu резко выражен в английской революции. Кромвель совмещает в одном лице Робеспьера и Наполеона; Жиронде, Горе и эбертистам с бабувистами соответствуют просвитериане, индепенденты и левеллеры; политический результат обеих революций был довольно жалкий, и вся эта параллель, которую можно было бы провести ещё гораздо более точно, показывает между прочим также, что революция религиозная и революция иррелигиозная, поскольку они остаются политическими, обе сводятся, в конце концов, к одному и тому же» [55, с. 602].

Существенные различия, которые Маркс находил в буржуазных революциях Нидерландов, Англии и Франции списывались им на временну́ю разницу и незрелость первых двух. «Революция 1648 года представляла собой революцию семнадцатого века по отношению к шестнадцатому, революция 1789 года – победу восемнадцатого века над семнадцатым. Эти революции выражали в гораздо большей степени потребности всего тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т. е. Англии и Франции» [27, с. 115]. «Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 года, а революция 1648 года – только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию» [27, с. 114]. Маркс считал, что если революции повторяют своих предшественниц, то они являются анахронизмом и пародией [26, с. 119, 200-201; 27, с. 115].

Феномен Термидора и бонапартизма, как неотъемлемую стадию революции, разобрали уже первые исследователи Великой Французской революции. Историк французской революции Алексис Токвиль так описывал психологический феномен прихода к власти Бонапарта: «Страшась и якобинцев, и роялистов, нация, зажатая в эти тиски, искала выход… Среди тех (преимуществ – *Э.Ш.*), которые они приобрели или добились за десять лет, единственным, от которого они непрочь были отказаться, стала свобода. Они были готовы пожертвовать этой свободой, которую Революция им всегда только обещала, чтобы наконец, смочь воспользоваться прочими предоставленными ею благами» [48, с. 242].

Другой исследователь французской революции Томас Карлейль рассматривал приход к власти Наполеона как органичное продолжение революции, когда потребовалось «укротить революцию», и обществу понадобилась сильная власть [20, с. 243]. Его коллега Жюль Мишле так объяснял термидорианский переворот и приход к власти Бонапарта: «Все хотят жить. В этом было все. Франция ставшая против якобинцев, хотела жить – вот термидор» [42, с. 65]. «В отношении Бонапарте, серьезное исследование покажет, что не только успех его был далеко не чудом, но что было бы чудом, если бы он, при таких обстоятельствах не имел успеха» [Там же, с. 15].

В марксистском подходе термидор рассматривался как контрреволюция. Термин применялся «только в отношении действий буржуазии, пресекавшей народные революции» [46, с. 4].

Марксистское понятие бонапартизма приписывается Карлу Марксу [17, с. 61], однако это не совсем верно. Работа, на которую обычно принято ссылаться – «18 брюмера Луи Бонапарта» [26, с. 115-217] – не содержит понятия «бонапартизм», и найти в ней (или в другой работе) вышеупомянутые определения не представляется возможным. Отталкиваясь от последующего марксистского определения, в работе Маркса можно найти и неспособность пролетариата продолжать борьбу, и неспособность буржуазии «одолеть» пролетариат, но не все вместе и не как причина бонапартизма. Маркс делал упор на другом заключении: «Бонапарты являются династией крестьян, т. е. французской народном массы». «Бонапарт – представитель класса, и притом самого многочисленного класса французского общества, представитель парцельного крестьянства» [26, с. 207].

Если проанализировать все упоминания Марксом слова «бонапартизм» в его трудах, то он подразумевает под ним режим Луи Бонапарта, использует это слово как синоним [см. напр.: 25, с. 438, 530, 551; 32, с. 333; 35, с. 341; 37, с. 434]. Лишь однажды Маркс употребляет «бонапартизм» применительно к Наполеону, и то опосредовано: он пишет о воскрешении бонапартизма Луи Бонапартом [36, с. 2]. Для Маркса «бонапартизм», т.е. правление Луи Бонапарта – это военный режим, поддержанный народной массой в лице консервативного французского крестьянства [26, с. 207, 208-209; 33, с. 559].

Маркс хорошо подметил корни бонапартизма в психологии масс: «буржуазия, задыхаясь среди этого неописуемого оглушительного хаоса из слияния, пересмотра, продления, конституции, конспирации, коалиции, эмиграции, узурпации и революции, обезумев, кричит своей парламентарной республике: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца!». Бонапарт понял этот крик» [26, с. 196-197].

Появившееся впоследствии в XX в. определение близко к тому, что дал Энгельс значительно позднее – в 1865 году: «Бонапартизм является необходимой государственной формой в такой стране, где рабочий класс, который достиг в городах высокой ступени своего развития, но в деревне численно перевешивается мелким крестьянством, оказался побежденным в вели-

кой революционной битве классом капиталистов, мелкой буржуазией и армией. Когда во Франции парижские рабочие были побеждены в гигантской битве в июне 1848 г., одновременно и буржуазия была совершенно истощена этой победой. Она сознавала, что второй такой победы выдержать не сможет. Номинально она еще господствовала, но была слишком слаба для господства. На первый план выдвинулась армия, – настоящий победитель, – опирающаяся на класс, из которого она преимущественно рекрутировалась, на мелких крестьян, желавших отдохнуть от городских смутьянов. Формой этого господства был, само собой разумеется, военный деспотизм, его естественным шефом – прирожденный наследник его, Луи Бонапарт. Отношение бонапартизма как к рабочим, так и к капиталистам характеризуется тем, что он препятствует им наброситься друг на друга. Это означает, что он защищает буржуазию от насильственных нападений рабочих, поощряет мелкие мирные стычки между обоими классами, а во всем остальном лишает как тех, так и других всяких признаков политической власти» [52, с. 71-72].

В 1872 г. Энгельс дополнил свою мысль: «… основное условие современного бонапартизма: равновесие между буржуазией и пролетариатом. Но как и в старой абсолютной монархии, в современной бонапартистской действительная правительственная власть находится в руках особой офицерской и чиновничьей касты… Самостоятельность этой касты, которая кажется стоящей вне и, так сказать, над обществом, придает государству видимость самостоятельности по отношению к обществу [53, с. 254].

Именно эти мысли легли в основу марксистского определения понятия «бонапартизм», однако термину дали более расширенное временно́е значение, распространив его и на период правления Наполеона Бонапарта [5, с. 556; 22, с. 49, 51; 23, с. 273, 274; 24, с. 483; 51, с. 574]. Это обобщенное понимание нивелирует однако принципиальную разницу между этими двумя, разделенными полувековым промежутком, политическими феноменами, не позволяет точно охарактеризовать каждый из них, а учитывая, что в основу понятия были положены рассуждения Маркса о режиме Луи Бонапарта, феномен настоящего бонапартизма – прихода к власти Наполеона в результате Великой Французской революции – остается в марксизме малоизученным и схематичным в изложении. Зачастую приход к власти Наполеона Бонапарта смешивается с понятием Термидора и рассматривается как единый процесс контрреволюции.

Первые указания в истории на различные типы революций встречаются у Маркса. Карл Маркс указывал на буржуазную революцию, которая осуществила переход в ряде европейских стран от феодального способа производства к капиталистическому; и пролетарскую (она же социалистическая или коммунистическая революция), которой предстоит осуществить переход он капиталистической формации к коммунистической [27, с. 114; 28, с. 339]. Существовал и некий промежуточный вариант – революции в капиталистических странах Европы, где главным движущим классом был пролетариат все еще в союзе с буржуазией и не решавший задачи по установлению диктатуры пролетариата, каковыми, по мнению Маркса были революции 1848-49 гг. в Европе. У Маркса не было специального термина для этого типа революции, он называл их революциями, которые развивались по нисходящей, в отличие от предшествующих революций, которые шли по восходящей линии [45, с. 436, 443, 447-449]. В дальнейшем в марксистской классификации эти революции получили название буржуазно-демократических [4, с. 320].

Итак, к середине XIX в. сложился комплекс теоретических представлений о революциях, законах их возникновения и развития. Представления Маркса о революциях не возникли на пустом месте и во многом не представляют принципиально ничего нового, они «выросли» из этой исследовательской среды и генетически связаны со своей эпохой и состоянием исследовательской мысли того времени. Маркс не занимается определением революции, как явления, не вносит ничего нового в изучение алгоритма революции (стадиальность, движение и т.д.). Во взглядах на причины возникновения революций Маркс становится на сторону приверженцев «экономического подхода» и возводит его во главу угла, доводя до степени крайнего детерминизма экономическим базисом всей жизнедеятельности человека. С точки зрения последствий революций Маркс акцентирует внимание на переходе в результате революций не только к новому строю, но и к новой формации – идее, уже высказанной до Маркса, но, пожалуй, именно у Маркса получившей наибольшее значение. В чем Маркс действительно выступил новатором – это в типологизации революций: Маркс выделял революции буржуазные, пролетарские и некий промежуточный вариант в виде революций, прокатившихся 1848-49 гг. по Европе, для которых у Маркса не было названия, а в дальнейшем причисленных в марксизме к буржуазно-демократическим революциям. Следует отметить, что у Маркса не было собственной законченной теории революции, только разрозненные, хоть и многочисленные, высказывания по этой теме, основанные на достижениях современной ему исследовательской мысли, которые с конца XIX века «марксисты» начали систематизировать в полноценную теорию.

Литература:

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.4. М.: Мысль, 1983. 830 с.

2. Бёрк Э. Правление, политика и общество /Пер. с англ. М.: Канон-пресс, Кучково поле, 2001. 479 с.
3. Блос В. Французская революция. Изд. 3-е, испр. /Пер. с фр. СПб.: Типография Альтшулера, 1906. 436 с.
4. Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 36. М.: Гос. изд-во Большая Советская энциклопедия, 1955. 672 с.
5. Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 5. М.: Гос. изд-во Большая Советская энциклопедия, 1950. 748 с.
6. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах /Сост., общая ред. и вступит, статья А.Л. Субботина. Изд. 2-е, исправл. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 575 с.
7. Вольтер. Философские сочинения /Пер. с фр. М.: Наука, 1988. 752 с.
8. Гегель. Политические произведения. М.: Наука, 1978. 437 с.
9. Гельвеций. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1973. 647 с.
10. Гельвеций. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1974. 687 с.
11. Гизо Ф. История английской революции. Т. 2. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 512 с.
12. Гизо Ф. История английской революции. Т.1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 480 с.
13. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. 336 с.
14. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 304 с.
15. Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах /Пер. с фр. Т. 1. М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1963. 715 с.
16. Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах /Пер. с фр. Т. 2. М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1963. 563 с.
17. Джери Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь /Пер. с англ. Т. 1. М.: Вече, 1999. 544 с.
18. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции /Под ред. А.В. Адо. Пер. с фр. Т. 1, кн.1. М.: Прогресс, 1977. 519 с.
19. История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера / Под общ. ред. А.Д. Люблинской. Л.: Наука, 1978. 312 с.
20. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: ЭКСМО, 2008. 860 с.
21. Карлейль Т. История Французской революции / Пер. с англ. М.: Мысль, 1991. 576 с.
22. Ленин В.И. Начало бонапартизма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 48-52.
23. Ленин В.И. Об оценке текущего момента // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 17. М.: Политиздат, 1968. С. 271-284.
24. Ленин В.И. Три конспекта доклада о Парижской Коммуне // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 8. М.: Политиздат, 1967. С. 483-493.
25. Маркс К. «Господин Фогт» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 14. М.: Политиздат, 1959. С. 395-691.
26. Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 8. М.: Политиздат, 1957. С. 115-217.
27. Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 6. М.: Политиздат, 1957. С. 109-134.
28. Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 17. М.: Политиздат, 1960. С. 317-370.
29. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. С. 1-167.
30. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. Т. 7. М.: Политиздат, 1956. С. 5-110.
31. Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссака» «Король Прусский и социальная реформа // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. С. 430-443.
32. Маркс К. Лондонская газета «Times» о принцах Орлеанских в Америке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 15. М.: Политиздат, 1959. С. 332-336.
33. Маркс К. Митинг в защиту Гарибальди // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 15. М.: Политиздат, 1959. С. 558-560.
34. Маркс К. Монтескьё LVI // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 6. М.: Политиздат, 1957. С. 192-207.
35. Маркс К. Отношение Австрии, Пруссии и Германии к войне // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. С. 338-342.
36. Маркс К. Положение во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 15. М.: Политиздат, 1959. С. 1-5.
37. Маркс К. Эрфуртовщина в 1859 году // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. С. 432-434.
38. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. Т. 4. М.: Политиздат, 1955. С. 419-459.
39. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 7-544.
40. Местр Ж., де. Рассуждения о Франции /Пер. с фр. М.: РОССПЭН, 1997. 216 с.
41. Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. /Пер. с фр. М.: ГПИБР, 2006. 548 с.
42. Мишле Ж. История XIX века. Т. 1. СПб.: Типогра-

фия Ф.С. Сущинского, 1883. 364 с.
43. Монтескье Ш.Л. О Духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.
44. Монтескье Ш.Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян /Пер. с фр. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2002. 512 с.
45. Революции 1848-1849 гг. В 2 т. /Под ред. Потемкин Ф.В., Молок А.И. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 640 с.
46. Согрин В.В. Революция и термидор. К исторической типологии общественно-политического процесса в России 90-х годов // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 3-16.
47. Спенсер Г. Личность и государство /Пер. с англ. Челябинск: Социум, 2007. 207 с.
48. Токвиль А. Старый порядок и революция /Пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.
49. Тэн И. Происхождение современной Франции. Т. I-V /Под ред. Я. Швырова. Пер. с фр. СПб.: Типография П.Ф. Пантелеева, 1907. 540 с.
50. Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера / Отв. ред. В.М. Богуславский. М.: Наука, 1994. 720 с.
51. Философский энциклопедический словарь /Под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. 836 с.
52. Энгельс Ф. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 16. М.: Политиздат, 1960. С. 35-78.
53. Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 18. М.: Политиздат, 1961. С. 203-284.
54. Энгельс Ф. Письмо К. Марксу, 13 февраля 1851 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 27. М.: Политиздат, 1962. С. 176-178.
55. Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. С. 598-617.
56. Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. Т. 8. М.: Политиздат, 1957. С. 3-113.
57. Юм Д. Англия под властью дома Стюартов /Пер. с англ. Т. 1. СПб.: Алетейя, 2001. 563 с.
58. Юм Д. Англия под властью дома Стюартов /Пер. с англ. Т. 2. СПб.: Алетейя, 2001. 464 с.
59. Bailey T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions. London: Published by W. Strange and B. Steill. 1830. 32 p.
60. Brinton C. The Anatomy of Revolution. N.Y: W.W. Norton & Co. 1938. 310 p.
61. Clark J. The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862. Philadelphia: William S. & Alfred Martien. 1862. 35 p.
62. Edwards L.P. The Natural History of Revolution. Chicago: University of Chicago Press. 1927. 229 p.
63. Encyclopedia Britannica. Second edition. In three volumes. Vol. 3. London: printed for J. Donaldson, 1773. 954 p.
64. Hume D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. In Eight Volumes /By Davis Hume, Esq. A New Edition, corrected. Vol. I. London: Printed for Cadell, 1773a. 481 p.
65. Hume D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. In Eight Volumes /By Davis Hume, Esq. A New Edition, corrected. Vol. VII. London: Printed for Cadell, 1773b. 533 p.
66. Hume D. The Philosophical Works of David Hume. Including all the essays, and exhibiting the more important alterations and corrections in the successive editions published в y the author. In Four Volumes. Vol. III. Edinburgh: printed for Adam Black and William Tait and Charles Tait, 1826. 579 p.
67. Pettee G.S. The Process of Revolution. N.Y.: Harper & Brothers. 1938. 167 p.
68. Sorokine P.A. The Sociology of Revolution. J.B. Lippincott. 1925. 428 p.
69. Yeaman G.H. Revolutions. A Lecture. Louisville, KY: J.P. Morton & Co., Printers. 1861. 37 p.

References:

1. Aristotel. Sochinenija v chetyreh tomah. T.4. M., 1983. 830 p.
2. Burk E. Pravlenie, politika i obshhestvo. M., 2001. 479 p.
3. Blos V. Francuzskaja revoljucija. SPb., 1906. 436 p.
4. Bol'shaja Sovetskaja jenciklopedija. T. 36. M., 1955. 672 p.
5. Bol'shaja Sovetskaja jenciklopedija. T. 5. M., 1950. 748 p.
6. Bakon F. Sochinenija v dvuh tomah. T. 2. M., 1978. 575 p.
7. Voltaire. Filosofskie sochinenija. M., 1988. 752 p.
8. Hegel. Politicheskie proizvedenija. M., 1978. 437 p.
9. Helvetius. Sochinenija v 2-h tomah. T. 1. M., 1973. 647 p.
10. Helvetius. Sochinenija v 2-h tomah. T. 2. M., 1974. 687 p.
11. Guizot F. Istorija anglijskoj revoljucii. T. 2. Rostov-on-Don, 1996. 512 p.
12. Guizot F. Istorija anglijskoj revoljucii. T.1. Rostov-on-Don, 1996. 480 p.
13. Guizot F. Istorija civilizacii v Evrope. M., 2007. 336 p.
14. Hobbs T. Filosofskie osnovanija uchenija o grazhdanine. M., 2001. 304 p.
15. Holbach P.H. Izbrannye proizvedenija v dvuh tomah. T. 1. M., 1963. 715 p.
16. Holbach P.H. Izbrannye proizvedenija v dvuh tomah. T. 2. M., 1963. 563 p.
17. Jary D., Jary J. Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar'. T. 1. M., 1999. 544 p.

18. Jaures J. Socialisticheskaja istorija francuzskoj revoljucii. T. 1, kn.1. M., 1977. 519 p.
19. Istorija v jenciklopedii Didro i D'Alambera. L., 1978. 312 p.
20. Carlyle T. Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii. M., 2008. 860 p.
21. Carlyle T. Istorija Francuzskoj revoljucii. M., 1991. 576 p.
22. Lenin V.I. Nachalo bonapartizma // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 34. M., 1969. P. 48-52.
23. Lenin V.I. Ob ocenke tekushhego momenta // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 17. M., 1968. P. 271-284.
24. Lenin V.I. Tri konspekta doklada o Parizhskoj Kommune // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 8. M., 1967. P. 483-493.
25. Marx K. «Gospodin Fogt» // Marx K., Enge's F. Sochinenija. T. 14. M., 1959. P. 395-691.
26. Marx K. 18 brjumera Lui Bonaparta // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 8. M., 1957. P. 115-217.
27. Marx K. Burzhuazija i kontrrevoljucija // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 6. M., 1957. P. 109-134.
28. Marx K. Grazhdanskaja vojna vo Francii // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 17. M., 1960. P. 317-370.
29. Marx K. K kritike politicheskoj jekonomii // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 13. M., 1959. P. 1-167.
30. Marx K. Klassovaja bor'ba vo Francii s 1848 po 1850 g. // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 7. M., 1956. P. 5-110.
31. Marx K. Kriticheskie zametki k stat'e «Prussaka» «Korol' Prusskij i social'naja reforma // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 1. M., 1955. P. 430-443.
32. Marx K. Londonskaja gazeta «Times» o princah Orleanskih v Amerike // Marx K., Engels F. Sochinenija. Izd. 2-oe. T. 15. M., 1959. P. 332-336.
33. Marx K. Miting v zashhitu Garibal'di // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 15. M., 1959. P. 558-560.
34. Marx K. Montesk'jo LVI // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 6. M., 1957. P. 192-207.
35. Marx K. Otnoshenie Avstrii, Prussii i Germanii k vojne // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 13. M., 1959. P. 338-342.
36. Marx K. Polozhenie vo Francii // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 15. M., 1959. P. 1-5.
37. Marx K. Erfurtovshhina v 1859 godu // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 13. M., 1959. P. 432-434.
38. Marx K., Engels F. Manifest kommunisticheskoj partii // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 4. M., 1955. P. 419-459.
39. Marx K., Engels F. Nemeckaja ideologija // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 3. M., 1955. P. 7-544.
40. Engels F. Voennyj vopros v Prussii i nemeckaja rabochaja partija // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 16. M., 1960. P. 35-78.
41. Engels F. K zhilishhnomu voprosu // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 18. M., 1961. P. 203-284.
42. Engels F. Pis'mo K. Marksu, 13 fevralja 1851 g. // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 27. M., 1962. P. 176-178.
43. Engels F. Polozhenie Anglii. Vosemnadcatyj vek // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 1. M., 1955. P. 598-617.
44. Engels F. Revoljucija i kontrrevoljucija v Germanii // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 8. M., 1957. P. 3-113.
45. Hume D. Anglija pod vlast'ju doma Stjuartov. T. 1. SPb., 2001. 563 p.
46. Hume D. Anglija pod vlast'ju doma Stjuartov. T. 2. SPb., 2001. 464 p.
47. Filosofija v Enciklopedii Didro i Dalambera. M., 1994. 720 p.
48. Montesquieu C.L. O Duhe zakonov. M., 1999. 672 p.
49. Montesquieu C.L. Persidskie pis'ma. Razmyshlenija o prichinah velichija i padenija rimljan. M., 2002. 512 p.
50. Maistre J., de. Rassuzhdenija o Francii. M., 1997. 216 p.
51. Sogrin V.V. Revoljucija i termidor. K istoricheskoj tipologii obshhestvenno-politicheskogo processa v Rossii 90-h godov // Voprosy filosofii. 1998. № 1. P. 3-16.
52. Mignet F. Istorija Francuzskoj revoljucii s 1789 po 1814 gg. M., 2006. 548 p.
53. Michelet J. Istorija XIX veka. T. 1. SPb., 1883. 364 p.
54. Tocqueville A., de. Staryj porjadok i revoljucija. SPb., 2008. 248 p.
55. Taine H. Proishozhdenie sovremennoj Francii. T. I-V. SPb., 1907. 540 p.
56. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'. M., 1983. 836 p.
57. Spencer G. Lichnost' i gosudarstvo. Cheliabinsk, 2007. 207 p.
58. Revoljucii 1848-1849 gg. V 2 t. T. 2. M., 1952. 640 p.
59. Bailey T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions. London: Published by W. Strange and B. Steill. 1830. 32 p.
60. Brinton C. The Anatomy of Revolution. N.Y: W.W. Norton & Co. 1938. 310 p.
61. Clark J. The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862. Philadelphia: William S. & Alfred Martien. 1862. 35 p.
62. Edwards L.P. The Natural History of Revolution. Chicago: University of Chicago Press. 1927. 229 p.
63. Encyclopedia Britannica. Second edition. In three volumes. Vol. 3. London: printed for J. Donaldson, 1773. 954 p.
64. Hume D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. In Eight Volumes /By Davis Hume, Esq. A New Edition, corrected. Vol. I. London: Printed for Cadell, 1773a. 481 p.
65. Hume D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. In Eight Volumes /By Davis Hume, Esq. A New Edition, cor-

rected. Vol. VII. London: Printed for Cadell, 1773b. 533 p.
66. Hume D. The Philosophical Works of David Hume. Including all the essays, and exhibiting the more important alterations and corrections in the successive editions published в y the author. In Four Volumes. Vol. III. Edinburgh: printed for Adam Black and William Tait and Charles Tait, 1826. 579 p.
67. Pettee G.S. The Process of Revolution. N.Y.: Harper & Brothers. 1938. 167 p.
68. Sorokine P.A. The Sociology of Revolution. J.B. Lippincott. 1925. 428 p.
69. Yeaman G.H. Revolutions. A Lecture. Louisville, KY: J.P. Morton & Co., Printers. 1861. 37 p.жз